

Научная статья
УДК 93/94(908)
doi: 10.17223/19988613/93/13

Девиантное поведение сельского духовенства и его влияние на крестьянскую общину во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Тобольской губернии)

Сергей Георгиевич Федоров¹, Игорь Валентинович Неупокоев²

¹Курганский государственный университет, Курган, Россия

²Курганский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Курган, Россия

¹serg-georg@mail.ru

²neupokoev_i_v@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются различные виды девиантных правонарушений духовенства Тобольской губернии. Доказывается, что девиантное поведение сельского духовенства повлияло на развитие религиозного индифферентизма среди крестьянской общины. Причину этого авторы видят в процессах модернизации российского общества.

Ключевые слова: девиантное поведение, сельское духовенство, крестьянская община, правовая культура, Тобольская губерния

Для цитирования: Федоров С.Г., Неупокоев И.В. Девиантное поведение сельского духовенства и его влияние на крестьянскую общину во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Тобольской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 103–112. doi: 10.17223/19988613/93/13

Original article

Deviant behavior of the rural clergy and its effects on peasant community in the second half of the 19th – early 20th century (in the Tobolsk governorate)

Sergey G. Fedorov¹, Igor V. Neupokoev²

¹Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation

²Kurgan Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Kurgan, Russian Federation

¹serg-georg@mail.ru

²neupokoev_i_v@mail.ru

Abstract. The article is aimed to assess deviant behavior of the rural clergy and its effects on peasant community in the Tobolsk governorate in the second half of the 19th-early 20th century. Archives of the State Archive of the Kurgan region such as the Fund of the Tobolsk Consistory and funds of churches of the Kurgansky uyezd as well as the information published in “Tobolskie eparhialnye vedomosti” [Tobolsk Eparchial Journal] were used as a source of research. It sets the following objectives: to make analysis of the main deviations in the rural clergy behavior and to identify effects of these deviations on the relationship between the clergy and rural community. The modernization of Russia had a serious impact on the rise of official misconduct, delinquency and even crimes among the country clergymen. Drinking was the main type of deviation among rural clergy, though the clergy was the least drinking estate as compared to other estates of the Russian Empire. However, the archival documents provide evidence that the main subject of litigation in the Tobolsk Consistory were proceedings related to insobriety. The reasons for the spread of drunkenness among the clergy were very different: from material insecurity and personal family troubles to ordinary illness and the impact of the rural life. The article proves evidence that all other deviations of legal behavior of the clergy were largely due to their insobriety. It had a serious negative impact on the church authority and prestige, both in general and in relations with the rural community. However, in the second half of the 19th – early 20th century, in the period of destroying traditional values, the peasant community very often sought a solution in alcohol abuse. The authors cite a quite significant number of examples of misconduct and abuse by the rural clergymen, both in the clergy and in education, controlled by the church. The authors also note that a judicial system of the church was subjective, defective and prone to conceal deviations of the clergy. The deviant behavior of the rural clergy made the relationship between the “shepherds” and the “flocks” more complicated and resulted in an increased number of conflict situations between them.

In conclusion, the authors consider that secularization, one of modernization components, along with the deviations of the clergy had a significant effect on the growth of religious indifferentism of the peasantry in the Russian Empire. During the 1920s and 1930s, the Russian Orthodox Church lost its leadership in the spiritual development of Soviet society largely because of this indifference.

Keywords: deviant behavior, rural clergy, peasant community, legal culture, Tobolsk governorate

For citation: Fedorov, S.G., Neupokoev, I.V. (2025) Deviant behavior of the rural clergy and its effects on peasant community in the second half of the 19th – early 20th century (in the Tobolsk governorate). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 103–112. doi: 10.17223/19988613/93/13

Во второй половине XIX в. модернизационные процессы, происходившие в России, имели не только положительные, но и отрицательные последствия. Среди них – уничтожение традиционных духовных ценностей и православных «скреп» общества, что не могло не сказаться на правовом поведении и взаимоотношениях консервативных российских сословий – православного сельского духовенства и русского крестьянства.

В последнее время в отечественной историографии наблюдается серьезный интерес к истории православной церкви, различным сферам ее деятельности в жизни государства и общества. Достаточно беглого взгляда на новейшую историографию. В центре внимания региональных историков оказывались экономические, политические, социальные, культурные проблемы русской православной церкви и приходского духовенства [1–9]. В меньшей степени в историографии рассматривались проблемы правового поведения духовенства в период поздней империи, девиантные правонарушения, проступки и преступления духовных лиц, влияющие на взаимоотношения с приходом [10–15]. Проблема девиантного поведения православного духовенства, особенно в пореформенный период, по нашему мнению, требует серьезного изучения на основе привлечения широкого круга источников, так как священнослужители были представителями сословия, игравшего в истории России одну из ключевых ролей. В правовом поведении духовенства отразились те изменения, которые произошли в имущественном и социальном положении, нравственных установках и мировоззрении его представителей в период модернизационных процессов.

В основу написания данной статьи легли неопубликованные материалы фондов Государственного архива Курганской области (ГАКО), который является хранителем собрания документов, связанных с деятельностью Русской православной церкви в Tobolskской губернии со второй половины XVIII в. по настоящее время. Сюда следует отнести фонды учреждений религиозного культа, среди которых наиболее объемным по количеству дел и информативным по содержанию является фонд И-235 – Tobolskская духовная консистория (ТДК). Консистория являлась центральным органом Tobolskского епархиального управления и находилась в ведении Святейшего Синода. Она ведала личным составом духовенства епархии, строительством, финансами и хозяйством церквей и монастырей, церковно-приходскими школами и школами грамоты, руководила миссионерской деятельностью среди местного коренного населения. Отдельное место в работе Консистории было посвящено осуществлению епархиального суда по делам о преступлениях и проступках служителей культа. Кроме того, значительное число примеров девиантного поведения духовенства и реак-

ции на него епархиального начальства находится в материалах фондов церквей Курганского уезда Tobolskской епархии: И-32 – Алексеевская церковь села Белозерского (1827–1918 гг.), И-67 – Богородице-Казанская церковь села Суловского (1875–1921 гг.), И-94 – Введенская церковь села Черновского (1854–1916 гг.), И-95 – Покровская церковь села Чесноковского (1805–1924 гг.), И-101 – Казанская церковь села Лопатинского (1851–1922 гг.), И-112 – Власо-Модестовская церковь села Чинеевского (1822–1921 гг.), И-196 – Спасо-Преображенская церковь села Скопинского (1859–1918 гг.). Общая особенность всех этих неизданных материалов – отсутствие дел, выделенных только по признаку девиаций служителей культа.

Другим источником стали открытые и опубликованные сведения из «Тобольских епархиальных ведомостей» – официального издания Tobolskской и Сибирской епархии, выходившего в 1882 по 1919 г. В разделах «Епархиальные известия» и «Уведомления епархиального начальства» (и его подразделах «Вакансии», «Замещение вакансий», «Открытие и замещение вакансий», «Служебные перемены») содержится подробная информация о кадровой мобильности членов причта: священников, псаломщиков и дьяконов. При перечислении кадровых изменений (например, перемещение в другой приход или епархию, увольнение за штат, увольнение из духовного звания или от церковной службы) в данном источнике не всегда указаны причины этого процесса. В ряде случаев отмечаются как житейские причины (по прошению, по болезни), так и вызванные конкретной девиацией («за предосудительные поступки», «за неодобрительное поведение»). «Замалчивание» отклоняющегося от нормы поведения духовенства вполне можно объяснить нежеланием епархиальных властей «выносить сор из избы» и подрывать в глазах верующих прихожан авторитет церкви и его представителей.

Русское православное духовенство как сословие занимало особое положение в социальной структуре Российской империи. Это выражалось, во-первых, в его сословной замкнутости (как попасть в него, так и выйти из сословия было довольно сложно). Во-вторых, для священнослужителей существовало особое судопроизводство. Духовенство подчинялось исключительно епархиальным властям и было подсудно чаще всего церковным судам – Духовным консисториям. «Люди духовного звания подлежат светскому суду в установленных присутственных местах: а) в делах между собою и с светскими лицами тяжёлых и исковых по неисполненным договорам и обязательствам и по взысканиям за нарушением прав ущербными, убытками и самоуправным завладением; б) в случаях нарушения государственных постановлений, по которым существуют особые правила о судопроизводстве

и взысканиях, как-то: в пристанодержательстве и укрытельстве беглых, в нарушении Устава о Питейном Сборе, в порубке лесов, в исполнении карантинных и таможенных постановлений и, в) в тяжких уголовных преступлениях» [16. С. 57–58]. В-третьих, в освобождении лиц духовного звания от телесных наказаний, духовенство не платило податей, освобождалось от воинских повинностей. В-четвертых, православное приходское (белое) духовенство играло особую роль. Именно оно, будучи проводником государственной идеологии и духовно-нравственных основ, выполняя свои культурно-просветительские функции, часто являлось посредником между властью и простым народом [12. С. 93]. Все это вело к превращению духовного сословия в сословие изолированное, со своими традициями и менталитетом, оторванным от крестьянской общины. В результате возникали конфликтные ситуации между крестьянским миром и духовным клиром, и в определенной степени это способствовало росту девиаций в правовом поведении в среде духовенства.

Благодаря архивным документам можно установить отношения между представителями причта и сельского общества, которые начали существенно изменяться в пореформенные годы. Так, например, в 1863 г. в ТДК рассматривалось прошение 29 крестьян Курганского округа Шмаковской и Усть-Суерской волостей от 9 октября 1862 г., в котором утверждалось следующее: «Мы, нижеподписавшиеся <...> государственные крестьяне, прихожане Романовской единоверческой церкви, просим Его Высокопреосвященство об удалении от нашей церкви дьячка Ивана Паникаровского по неспособности его к отправлению причетнической должности как по малограмотности, сварливости характера и не владению правой рукой от паралича, так и по склонности его к сутяжничеству» [17. Л. 13–14]. На наш взгляд, подобные прошения носили не единичный характер и во многом зависели от личных качеств деревенских священников.

Рассмотрим еще один аналогичный пример. В сентябре 1917 г. 78 крестьян села Ново-Иковской церкви Курганского уезда просят Его Преосвященство об отставке священника Артемия Юрченко, обвиняя его в разных проступках: «Он всюду сеет рознь и вражду между пасомыми. Он отказался приобщать Святых Тайн умирающую, заявив, что она больна холерой. <...> Отпел заочно младенца, хотя в этом не было никакой необходимости, так как их приход состоит из одного села, чисто православного <...>. Не совершал богослужение 1 августа, когда совершался крестный ход на воду, и 20 августа (воскресение), хотя был дома и никаких причин более или менее уважительных не было. Он просто издевается над прихожанами, нередко заявляя им, что намерен затворить на замок церковь на 1, 2, 3 месяца. Весьма грубо относится к прихожанам, и бывали случаи, когда он гнал, чуть ли не в шею, просителей. Способен лгать при каждом удобном случае <...>. Совокупность всех этих недостатков и многих других ни в коем случае не подходит к нравам и обычаям нашего православного населения, а особенно теперь, в такое переживаемое время, когда верующему люду нужна горячая, теплая молитва. А священник

Юрченко распускает слухи, что Петроград взят – агитация чисто погромного характера, давая возможность вспыхнуть контрреволюции и этим самым, угрожая дарованной свободе. <...> Все эти факты настолько оттолкнули нас от храма Божия, что мы не можем смотреть равнодушно и от души желали бы снова слышать с церковной кафедры проповедь согласно завету Христа о всепрощении, мире, любви между нами, а посему единогласно постановив: предложить местному священнику Артемию Юрченко немедленно искать другой приход, объявив ему, что всякие насилия в данном случае неуместны и на таковые мы будем реагировать самым энергичным образом <...>. Если же почему-либо Епархиальное Начальство не пойдет к нам навстречу, то мы примем самые репрессивные меры по отношению к священнику Юрченко <...>. В чем и подписуемся» [18. Л. 1–3]. В данном прошении не только перечисляются недостатки священника, но и приводятся прямые угрозы сельского мира на оставление без внимания их просьбы со стороны епархиального архиерея.

Преобладающим видом девиации среди священнослужителей были пьянство, связанные с ним правонарушения и плохое исполнение своих обязанностей. В редкий год начиная со второй половины XIX в. ТДК не рассматривала подобные дела. Так, например, в июле 1857 г. Курганское духовное правление обратило внимание благочинного священника Михаила Иваницкого, что дьячок Троицкой церкви Василий Бардаков «остриг себе волосы в кружок и обрил бороду, оставя усы, что вообще неприлично духовному лицу, то воспретить ему употребление стихаря, покуда не отрастит волос своих и бороды, как это издревле принято в православной церкви <...>». На этом основании появилась резолюция архиепископа: дьяка Бардакова «за грубость и непокорность к старшим членам причта, за хождение в питейный дом пьянствовать, с трубкою в зубах по улицам, за ссоры и драки обязать строгою подпиской, вести себя сообразно и прилично своему званию, под опасением в противном случае исключения из духовного звания, а как он остриг себе волосы в кружок по-мещански или по-мужицки обрил бороду, оставя усы, то воспретить ему ношение стихаря, пока не отрастит волос и бороды» [19. Л. 314].

В нашем исследовании важную роль играют рапорты и доклады благочинных священников. В июльском рапорте 1869 г. причта Введенской церкви села Чернавского на имя благочинного священника Николая Розанова говорилось «о продолжительном пьянстве дьячка Семена Андреева и слухах о том, что он, Андреев, при том еще и безобразничает, таскается по питейным лавочкам и по улицам села с шумом и ругательствами». В ответе благочинный предписал «взять его с понятиями, посадить под арест за караулом, вытрезвлять постепенно, и о последующем донести мне» [20. Л. 610]. В ноябрьском 1869 г. докладе благочинного священника говорилось, что священник села Песчанского Дмитрий Поникаровский «вел жизнь не всегда трезвую» и «помер от нетрезвой жизни» в возрасте 24 лет [21. Л. 245]. В июньском 1870 г. письме благочинного священника причту села Чесноковского

говорилось: «Из отзыва Вашего и жалобы семейства пономаря Варлакова видно, что он “постоянно упивается хмельными напитками до такой степени, что семейство свое оставляет без пропитания и необходимого содержания”. Предписывается Вам “часть дохода выдавать его жене на пропитание семейства”» [22. Л. 447]. 22 мая 1891 г. на имя благочинного поступило сообщение о том, что «дьякон Серебренников Троицкой церкви прихода Мокроусовского, напившись, бегал с топором по деревне за Мокроусовским крестьянином Дмитрием Рожковым из деревни Грязнова». Этот же дьякон в ноябре месяце пьяный плясал на квартире мещанина Некрасова. И опять же Серебренников «живет по несколько дней в деревне Семискульской и пьянствует с поселенцами» [23. Л. 2].

Конечно, не стоит утверждать, что пьянство в среде духовенства было поголовным и только в Тобольской губернии. Пьянство среди священнослужителей зафиксировано во многих губерниях Российской империи, об этом свидетельствуют и многие региональные историки [9, 10, 14, 15, 24]. В то же время следует согласиться с мнением вологодского историка А.В. Камкина, что «ни одно российское сословие так жестоко и публично не контролировалось, как приходское духовенство, ни к одному из них не предъявлялись столь жесткие требования» [25. С. 145] в отношении табакокурения и употребления алкоголя. Это подтверждает и исследовательница из Нижневартовска А.В. Спичак: «В Тобольском архиве проблеме пьянства посвящено 716 дел за 1777–1985 гг., из них 673 дела были заведены ТДК в 1749–1893 гг., остальные 43 дела не относятся к борьбе РПЦ с алкоголизмом в духовной среде, они включают документы более позднего периода – 1921–1985 гг.» [11. С. 134].

Причины пьянства были самыми разнообразными: от объективных до субъективных. В первую очередь – это среда, в которой происходили воспитание и формирование священнослужителя, будущего духовного наставника паствы. Уже в духовных семинариях отмечается употребление алкоголя воспитанниками. Так, в феврале 1904 г., Правление Тобольской духовной семинарии сообщало в ТДК «о распространенном между воспитанниками семинарии злоупотреблении спиртными напитками» [26. Л. 49]. В приведенном факте обратим внимание на формулировку: не употребление, а «злоупотребление»! Данное явление встречается не только в стенах Тобольской духовной семинарии. Многие русские писатели XIX в., учившиеся в духовных семинариях или училищах, в своих воспоминаниях пишут об употреблении алкоголя учащимися. Среди них – писатель Н.Г. Помяловский: «Пьянство, нюханье табаку, самовластные отлучки из училища, драки, шум, разные нелепые игры – все это было запрещено начальством, и все это нарушалось товариществом» [27. С. 12]. Об аналогичном явлении писал и литератор С.И. Сычугов: «Великовозрастные, а глядя на них, и малыши при случае напивались до скотства. Настоящего регулярного пьянства если не было, то лишь по безденежью. Зато пили редко да метко. Особенно безобразно напивались у ставленников – родственников при посвящении их в попы или

дьяконы. Тут уж даже и совсем непьющие, за редкими исключениями, нализывались, как свиньи. Но так как случаи для выпивки были редки, то и число пьяных было ничтожно и потому нехарактерно для бурсы. Будь у бурсаков побольше случаев да побольше денег, и пьянство приняло бы широкие размеры» [28. С. 114]. Подобный феномен зафиксировал и автор очерков и повестей Н.В. Успенский: «В конце концов, по примеру многих своих собратий, я стал искать *veritas in vino*» [29. С. 113].

На протяжении всей жизни сельское духовенство сталкивалось с проблемой потребления алкоголя со стороны своей паствы. Так, например, в 1891 г. священник П. Пудовиков писал: «В 1889 году при вступлении в Баян-Аульский приход мне резко бросилось в глаза, что водка и вино употребляются прихожанами весьма часто и в значительных размерах. В каждый семейный праздник, в свадьбу, в каждые крестины, именины, по случаю приезда родственников, по выходе казака из отряда и даже в будничные дни устраивается попойка. По принятому обычаю, каждый из гостей должен непременно отпочивать у себя всю кампанию. Таким образом, ходят из дома в дом, напиваясь до бесчувствия <...>. Женщины пьют водку или наливку, не отставая от мужчин» [30. С. 122].

При вступлении в должность сельского священника кандидат нередко был должен обязательно «проставиться» перед сельским миром, и тогда он становился «своим». С этого момента общество ему доверяло. А если такого не происходило, то общество, напротив, отдалялось от подобных священников, и между ними могли возникнуть и конфликтные ситуации, и враждебные отношения. Об этом идет речь в воспоминаниях одного из сельских священников, которого поселили в 1882 г. в церковную сторожку: «Сторожка была маленькая, старая, холодная, покосившаяся, мрачная, темная и гнилая избушка, жить в которой не было возможности; кроме черного хлеба, кислой капусты и пшена нельзя было найти ничего для стола. Жена моя не вынесла такой жизни и через неделю заболела. И она едва не умерла. Я позвал к себе сельского старосту и умолял его дать мне сносное помещение; но я не знал, что при этом должен был напоить его допьяна; я не поил, он осерчал и – потом никакие уже просьбы не могли его тронуть. После долгих просьб моих и обещания старосты дать мне квартиру ко мне в сторожку стали ходить старики чуть не каждый день. Я должен был поить их чаем и, стоя перед ними, просить о квартире. Наконец крестьяне вызывают меня на сход. Долго я просил тут всех, почти, по одиночке; долго ломались они надо мною. Здесь вполне высказалась и сила прихода, и мое бессилие. Наконец квартиру мне хотя и дали, но в одной избе с хозяевами. Через несколько времени ко мне пришел староста с требованием, чтобы я звал к себе всех крестьян поздравлять меня с новосельем и поил их вином; при этом он сказал мне самым внушительным тоном, что если я не позову и не угощу всех, то мир велит мне сейчас же уходить с этой квартиры и запретит всем остальным крестьянам принимать меня <...>. Когда пришли ко мне крестьяне, то они заставили меня подносить им вино и в то же время

выслушивать их внушения и угрозы, что если я не буду делать все по их желанию и не буду сейчас из своих рук угощать их, то они сей же час велют мне убираться в сторожку» [31. С. 233–234].

Следует отметить, что возникали и прямо противоположные ситуации, «когда прихожане, выведенные из терпения безобразным поведением причта, жалуются епархиальному начальству. Последнее обыкновенно назначает дознание, или следствие. Вот тут иногда стараются спрятать концы в воду. Все свидетельские показания не в пользу обвиняемого весьма часто либо “к делу не относятся”, либо под видом литературно-стилистической отделки так отшлифовываются, что заведомый “алкоголик” является оклеветанным трезвенником» [32. С. 65].

О субъективности и пристрастности духовного суда, его недостатках в сравнении со светским, необходимости его реформы общественность и сами священнослужители заговорили еще в 1864 г., когда планировалось преобразовать церковный суд по образцу светской судебной системы. Это вызвало возмущение епархиального духовенства и приостановило дальнейшую реформу. В начале XX в. в церковной и светской печати вновь заговорили о реформах в русской православной церкви, в том числе и церковного суда. В Тобольских епархиальных ведомостях за 1906 г. писалось, какие преступления священнослужителей чаще всего рассматривал церковный суд: «Вот они: по поводу пьянства и сопутствующем ему дебоширстве, по поводу безнравственной жизни, незаконно совершенных браков, обидных выражений и действий по отношению к другим, по доносам о богослужениях, отправляемых в непозволительном виде, о мздоимстве, торгашестве и т.д., в меньшинстве – уголовные преступления» [33. С. 420].

В этих же Ведомостях за 1906 г. отмечаются недостатки духовного судопроизводства: «По правилам на должность духовных следователей должны выбираться священники, вполне честные и добросовестные, но бывают такие случаи, когда честность и беспристрастие следователей не могут устоять против разного рода испытаний и соблазнов <...>. Духовный следователь при производстве следствий может злоупотреблять, и злоупотребление это нет возможности обнаружить <...>. Поэтому следственное дело благочиннического следователя должно контролироваться и проверяться высшей духовной судебной инстанцией» [34. С. 182–183].

Вот один из примеров духовного следствия ТДК и его «объективности». В июне 1903 г. в ТДК рассматривалось дело об обольщении крестьянской девицы (дочери поселенцев) А.И. Чуриковой псаломщиком Челноковской церкви Ишимского уезда Алексеем Козяшевым. Из показаний свидетелей выяснилось, что Анна Чурикова распутничает с 15 лет, с 1900 г. жила в публичном доме города Ишима. Хотя Чурикова по ходу следствия указывала, что следователь-священник Овечкин допрашивал только свидетелей со стороны Козяшева, с которыми он днем и ночью пьет «вотку», тем не менее ТДК по окончании следствия вынесла решение: «Псаломщика Козяшева по оговору в лю-

бовной связи его с крестьянской девицею как не сознавшегося и ни кем не уличенного в означенном преступлении считать оправданным» [35. Л. 55]. Чурикова была предана четырехлетней епитимии при своей приходской церкви. Оправданный псаломщик, по словам Чуриковой, «над ней насмехается и оскорбляет прилюдно, ставит ей “шиши” и говорит: если ребенок от меня, не угодно ли ей другого» [35. Л. 36].

Одним из распространенных видов правонарушений сельского духовенства были небрежное исполнение треб и завышенная плата за них. Сельское духовенство нередко старалось увеличить плату за священнодействия, чаще всего оправдываясь своим тяжелым материальным положением. В любом случае это приводило к серьезным осложнениям во взаимоотношениях между причтом и сельским миром. Вот лишь несколько случаев. В 1862 г. священник Романовской церкви Шмаковской и Усть-Суерской волостей Никон Радионов обвинялся в том, что «брал за браки от 10 до 16 руб. серебром, а в доходный реестр записывал от 3 до 3 руб. 50 коп.» [17. Л. 1]. Или: в сентябре 1863 г. в Курганском духовном правлении слушалось прошение крестьянина Чимеевской волости Николая Трошина с общественным приговором Чимеевских прихожан «о поборах за свадьбы» священника Петра Серебренникова. На этом основании архиепископ вынес следующую резолюцию: переместить из Чернавского села священника Лебедева как более образованного и подающего надежды <...>; священника же Серебренникова как больного переместить в село Чернавское на 2-е священническое место» [36. Л. 199 об.]. В подобном обвинялся и священник Чередовского прихода Тарского округа Аевской волости Афиноген Пантелеев. В 1892 г. ему вменялось в вину вымогательство за венчание крестьянина Алексея Васильева с девицей Маврой Зензиной, за которое он потребовал 32 руб. наличными деньгами, 5 пудов пшеницы, 3 пуда солоду и на 2 руб. рыбы. Не имея в наличности выпрошенных Пантелеевым денег, отец жениха вынужден был продать 100 пудов ржи по 30 коп., тогда как цена на эту рожь в то время была 50 коп. Но даже и после выполненных условий священник чуть было не сорвал венчание в назначенный день, когда потребовал с венчающихся в церкви еще 3 руб. Васильев вынужден был занять деньги у приглашенных на свадьбу. По возвращении домой, не имея денег, чтобы возратить долг, крестьянин продал корову, стоящую 10 руб., за 3 руб. [23. Л. 5–6].

Но самый трагичный случай, связанный с исполнением треб, произошел в феврале 1916 г. «<...> в с. Налобинском, Ишимского у., в храме был опасно ранен настоятель местной церкви священник Владимир Деков. Преступником оказался временно проживающий в приходе крестьянин Тульской губ. Григорий Меркулов. Последний просил священника Декова о выдаче предбрачного документа на свою дочь, желая повенчать ее с солдатом, опущенным на побывку. Разрешения военного начальства на вступление в брак у жениха не было, поэтому о. Деков, ссылаясь на существующие узаконения, в выдаче документа отказал. Раздраженный отказом Меркулов выхватил из рукава кинжал и нанес о. Декову две раны – в левую челюсть

и в спину. Положение раненого священника тяжелое» [37. С. 165].

Очень часто на рассмотрение ТДК поступали дела, связанные с несоблюдением своих обязанностей духовенством, срывом им несения церковной службы, грубым обращением с прихожанами, нарушением канонического поведения и т.д. 29 декабря 1869 г., находившиеся под следствием ТДК дьякон Иван Иконников и причетник Александр Кокшарский Чимеевской церкви по подозрению в воровстве на призыв священника Алексея Лебедева явиться к утренней службе отвечали, что «им некогда, так как они изволят кушать пермени» [38. Л. 25]. В декабре 1872 г. выходит Приказ ТДК: «...многие священники Тобольской епархии употребляют в официальных бумагах очень резкие, неприличные и оскорбительные в отношении своих противников выражения, чем обнаруживают свою неблагоприятность и грубый нрав <...>. В отношении членов причта говорят: “дьякон ни тяти, ни мамы не вяжет”; “дьякон, как полусонный, едва шипя от засоренного табаком носу и едва движущийся, бродит между народом, глупо то тому, то другому ухмыляясь”. Приказ: не употреблять в официальных бумагах выражения резкие, неприличные и оскорбительные по отношению к частным и должностным лицам» [39. Л. 110–110 об.].

О неканоническом поведении духовенства шла речь в следственном деле ТДК от мая 1882 г.: «О нанесении и.д. псаломщика прихода Сычевского Гавриила Торопова оскорблений словами священнической вдове Ольге Родионовой, о нетрезвости и других неблагоприятных поступках его же, Торопова». И.д. обязанности псаломщика Торопов оговаривается «во 1-х, в нетрезвости, во 2-х, в нанесении оскорблений священнической вдове Ольге Родионовой». Об этом приводятся отзывы свидетелей: церковных караульных Козлова и Москвина, трапезных, церковного старосты и крестьян. «За его пьянством в праздник Покрова Пресвятыя Богородицы 1881 года не было ни утрени, ни литургии; <...> 15 мая 1881 года, будучи выпивши, назвал вдову священническую жену Родионову убийцею своего мужа и поносил ее другими словами не пристойными и не употребляемыми на письме» [40. Л. 74].

В сентябре 1900 г. благочинный священник Александр Сосунев донес епархиальному начальству, что «один из псаломщиков вверенного ему благочиния позволяет себе отлучаться для охоты на уток с огнестрельным оружием в неурочное время, так что местный священник вынужден бывает отправлять богослужения и требоисправления с посторонними лицами» [41. Л. 106–106 об.].

В феврале 1909 г. ТДК вынесло решение священника Николая Тихомирова, псаломщика Шмаковской церкви Тимофея Савицкого, «за обнаруженную нетрезвость, грубость, не соответствующее званию псаломщика поведение и небрежность к служебным обязанностям», на основании ст. 187 и 191 Устава Духовной Консистории, послать в Тюменский монастырь на послушание на три месяца с перемещением его по отбытии епитимии в другой приход по усмотрению Епархиального начальства» [42. Л. 5].

На священников в сельской местности была возложена обязанность по заведованию начальными церковными школами и преподаванию в них Закона Божия. Однако не все служители культа добросовестно выполняли эти функции. Так, в ноябрьском 1894 г. журнале епархиального наблюдателя церковных школ отмечалось, что священник села Гладковского Иван Юрьевский «не обнаруживает достаточной заботливости об именуемой в его приходе церковно-приходской школе. Школьное помещение при чрезвычайной тесноте, не позволяющей принимать всех желающих учеников, не имеет никаких приспособлений для освежения воздуха; классная мебель ветхая, крайне неудобного устройства и имеется в недостаточном количестве, так что часть учеников во время уроков должна стоять на ногах; учебных пособий и письменных принадлежностей имеется слишком мало, причем некоторые из необходимых классных принадлежностей учительница Полякова покупала на свой счет. Несмотря на такие вопиющие нужды школы, священник Иван Юрьевский не принимал в течение своего пятилетнего служения в с. Гладковском никаких мер к изысканию местных средств на удовлетворение школьных потребностей, не употреблялись для этого в сколь-нибудь значительном количестве церковные деньги и не ходатайствовал об отпуске суммы на расширение школьного помещения из средств Епархиального училищного Совета» [43. Л. 164–164 об.]. Или: в 1896 г. Русаковский священник Петр Тверитин «поступил неблагородно и не совсем честно» при служебном переводе в церковь села Смирновского: при сдаче церковного имущества с прежнего места службы «не сдал школьных денег, коих следует получить с него 111 руб. 6 коп. (60 руб. жалование учительницы за текущее полугодие и 51 руб. 6 коп. остаточных от прошлого учебного года сумм), не сдал и попечительские деньги, полученные по заявлению попечителя и старосты от продажи хлеба, и уехал к новому месту служения» [44. Л. 316]. Подобные факты встречаются и в январском 1901 г. путевом журнале архиепископа Тобольского и Сибирского: в слободе Викуловской младший священник Михаил Калмыков «продолжает вести нетрезвую жизнь и весьма нерадив по должности заведующего и законоучителя в церковных школах Викуловской и Калининской» [45. Л. 9]. В мае 1906 г. священнику Петру Невскому резолюция архиепископа: «...псаломщику Адрианову делается выговор за нерадение о преподавании церковного пения в Головинской школе» [46. Л. 201].

Священнослужители совершали не только должностные проступки, но и преступные деяния. В ГАКО хранится дело, в котором ряд духовных лиц подозревался в совершении уголовного преступления. Суть дела такова. 28 декабря 1869 г. церковный староста Никита Рыбин приехал в село Чимеевское к исполняющему должность благочинного священника Алексею Лебедеву для сдачи денег от продажи свеч в Усть-Суерской церкви на сумму 228 руб. 11 коп. Но священник принимать деньги сразу отказался и просил старосту его подождать, так как он отправлялся на трубу. Ожидание показалось скучным, поэтому Рыбин

пошел в гости в сопровождении Семена Попова, «лишенного священнического сана за разные противузаконные дела». За ночь «погостили» у дьякона Иконникова, затем у дьячка Кокшарского и крестьянина Михаила Соколова. Гостевание сопровождалось обильным возлиянием алкоголя. Примечательно, что «ходячую сию компанию из дому в дом во всю ночь дополнял лишенный всех прав и состояния поселенец Василий Назаров». Во время пирушки Иконников и Кокшарский старались более угощать вином Рыбина, отчего он сделался сильно пьян и не помнил, как очутился у ворот дома священника Лебедева уже под утро и, естественно, без денег. Подозрение в воровстве денег, по заявлению Рыбина, пало на дьякона Иконникова и причетника Кокшарского в силу следующих причин. Во-первых, потому что уже был случай, когда два каких-то крестьянина, гуляя также с Иконниковым и Кокшарским, потеряли деньги. Во-вторых, через несколько дней кредитный билет 100 руб. достоинства (заблаговременно с переписанными номерами Рыбиным) открыт был Чимеевским волостным правлением у солдатки Ольги Кузнецовой зазорного поведения. Ольга Кузнецова приходилась родной сестрой Александру Кокшарскому. На следствии Кузнецова заявила, что эти деньги нашла. Так как прямых доказательств совершения кражи не было, то в Курганском окружном суде Иконников и Кокшарский были оправданы, а Кузнецова посажена на восемь месяцев в тюрьму. В то же время ТДК вынесла свои решения по этому делу. Священник Алексей Лебедев за бездействие от должности благочинного был уволен. Иван Иконников и Александр Кокшарский «за обнаруженное пьянство и неблагоповедение были посланы в Тобольский монастырь сроком на три месяца с наложением на них епитимии и после отбывания срока наказания с повелением приискать себе другие приходы» [38. Л. 1–77].

Несомненно, что происходившие в России экономические и общественно-политические процессы оказывали заметное влияние и на духовенство во многих областях его жизни, в том числе и на его религиозное мировоззрение. В архивных документах указываются и факты отступничества священнослужителей от православной веры. Известно дело псаломщика села Пьянковского Курганского уезда Дмитрия Задорина за 1905–1906 гг. Псаломщик обвинялся в распространении противохристианского учения. Любопытны показания свидетелей на следствии. Крестьянин Александр Бажуков: «<...> Задорин, сидя за столом и будучи, как и все мы, выпимши, начал материться. Я заметил ему, что ругаться по матерному за хлебом и солью нехорошо. Бог за это накажет. Задорин мне ответил: “Какой еще там бог. Ничего нет”. Потом в дальнейшем разговоре, когда речь зашла об иконах, Задорин говорил, что почитать иконы не следует <...>. “Вы, иконы сами малюете (Бажуков – маляр и иконописец). Вы иконы делаете, все равно как делаете ребят”. Офицерская вдова Мария Тимкина: «Задорин говорил: “Человек пропадает, как скотина. Выйдет из него пар, и он сдохнет. Никакой души нет у человека. Нет поэтому и никакого страшного суда. Это все выдумки”». Крестьянин Степан Гребенщиков: «Задорин так отозвался о святых

мощах: “Взяли, вырвали кусок мяса или костей, да ему и кланяются. Или навьдумывали новых святых чудотворцев вроде Серафима Саровского и других, а они такие же обыкновенные люди, как и мы”. Священник Вениамин Кротков: «Псаломщик Задорин и ранее вел себя неблагочинно в храме Божиим за богослужениями: разговаривал, смеялся и даже читал газеты во время чтения часов. Резко я его за это не обличал, стесняясь тем, что и сам вышел из псаломщиков <...>». Священник Василий Арзамасов: «Ввиду современного крайне тревожного настроения умов народонаселения подобная неправославная проповедь со стороны православного псаломщика может в одних крестьянах усилить народные волнения и беспорядки, в других ослабить и даже вовсе поколебать веру в сии догматы православной церкви. Принимая во внимание совершенное возбужденное состояние крестьян, из коих многие же слышали подобную же болтовню еврей-агитатора в г. Кургане. Я заключаю это из того, что сват Задорина крестьянин Петр Гребенщиков уже порождает связи с церковью, и я его уже не замечал в оной очень давно» [47. Л. 17–24].

По делу Задорина ТДК вынесла решение: покрыть судебные издержки и наложить на него шестимесячную епитимию в Тюменском Троицком монастыре с последующим предложением перевести на должность псаломщика в северные уезды Тобольской губернии. «Если же Задорин будет упорствовать в своих противохристианских взглядах, то передать его гражданскому суду» [47. Л. 53]. В 1910 г. в Тобольских епархиальных ведомостях в официальной части помещено объявление о том, что «заштатный псаломщик Дмитрий Задорин уволен из духовного ведомства согласно прошению» [48. С. 115]. Примечательна формулировка – не «за отпадение от веры», а «согласно прошению».

В заключение статьи можно сделать следующие выводы. Модернизационные процессы в России во второй половине XIX в. повлияли на все слои общества, затронули все сферы его жизнедеятельности. Особенно сильно модернизация повлияла на консервативные слои населения: духовенство и крестьянство, несмотря на их обычную сословную закрытость. Следует согласиться с известным историком Б.Н. Мирновым, что одним из важных проявлений модернизации является ослабление религиозных традиций и мировоззрения, утверждение мирской системы ценностей во всех сословиях империи, в том числе крестьянском и духовном [49. С. 348]. В результате утрачивалось толерантное отношение мирского общества к церковным институтам и их служителям. Девиантное поведение духовных лиц в определенной мере вызывало в обществе сомнение в церкви как в религиозно-государственном учреждении и в истинности самих религиозных православных догматов.

Не следует, однако, считать, что сельское духовенство только занималось пьянством, нарушало церковные установления, не соблюдало свои обязанности и придерживалось неканонического поведения. Нет, большинство представителей сельского духовенства исправно служило церкви, государству и обществу. Многие из них были истинными подвижниками пра-

вославленной веры, несли в мирское общество идеалы христианства и просвещения. Девиантное поведение в среде сельского духовенства не идет ни в какое сравнение с его ростом в российском обществе среди других сословий, в том числе и крестьянского.

В то же время одно из главных проявлений девиации – пьянство – серьезно коснулось и православного духовенства. Причины распространения пьянства среди причта были самыми разными: от материальной необеспеченности и личных семейных неурядиц до заурядной болезни и воздействия мира деревни. Во многом от пьянства происходили и другие девиации в поведении духовенства, которые серьезно влияли на взаимоотношения с крестьянской общиной и оказывали на них разлагающее действие. Из растерянности и потерянности как духовенства, так и крестьянства перед новыми

явлениями и процессами в обществе часто вырастали взаимное недоверие, неуважение и даже враждебность по отношению друг к другу. В начале XX в. в Тобольских епархиальных ведомостях в неофициальной части нередко попадаются объявления о воровстве, мошенничестве, насилии, драках и хулиганстве (новое явление сельской жизни как результат модернизации) по отношению к священникам, поджоге сельских церквей. Кризис сказался на многих сторонах жизни и взаимоотношениях между крестьянством и сельским причтом. Результатом этого кризиса стал религиозный индифферентизм крестьянского сословия по всей Российской империи, в том числе и в Тобольской губернии. Во многом благодаря этому безразличию к религии в годы советской власти так легко были порушены церковные, православные каноны и религиозные институты.

Список источников

1. Андреева Л.А., Элбакян Е.С. Отношение к духовенству сословий и социальных групп Российской империи (начало XX в.) // Социологические исследования. 2011. № 10 (330). С. 69–80.
2. Безгин В.Б., Лисионин В. Церковь, государство, общество в эпоху модернизации: проблемы взаимоотношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23) ч. 1. С. 225–229.
3. Белоус П.В. Тобольская епархия в годы Первой мировой войны (1914–1918). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. 288 с.
4. Земцов Л.И. Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2008. № 1 (41). С. 73–79.
5. Карнишина Н.Г. Государственно-церковные отношения в России во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 5 (31). С. 16–22.
6. Минеева Т.В., Романовская В.Б., Савченко И.В. Церковное судопроизводство в Российской империи. Чебоксары : Среда, 2020. 104 с.
7. Миронов Б.Н. Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Научные исследования. 2015. № 1. С. 65–80.
8. Смокотин С.В. Православная церковь и крестьянство в Томской губернии в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 34–40.
9. Терскова А.А. Общественная деятельность приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Енисейской епархии) // Эпоха науки. 2015. № 4. С. 610–614.
10. Иконников С.А. О некоторых аспектах правового положения приходского духовенства Православной Российской церкви во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам центрально-черноземных губерний) // Научный диалог. 2019. № 4. С. 239–255.
11. Спичак А.В. Отражение борьбы с пьянством духовных лиц в делах Тобольской духовной консистории во второй половине XVIII – XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 133–138.
12. Фот А.Г. Правовой статус приходского православного духовенства во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 2 (14). С. 92–103.
13. Ершов Б.А. Государственно-правовое регулирование деятельности русской православной церкви в губерниях центрального Черноземья в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18), ч. 2. С. 75–78.
14. Лысенко Ю.А., Сюе-Скурихина Н.В. Нравственный облик православного духовенства на примере Омской епархии в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета, 2015. № 4/2 (88). С. 112–115.
15. Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 63–78.
16. Устав духовных консисторий : утв. 9 апр. 1883 г. СПб. : Синод. тип., 1883. VI, 200 с.
17. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. И-235. Оп. 1. Д. 104.
18. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 197.
19. ГАКО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 1.
20. ГАКО. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 4.
21. ГАКО. Ф. И-32. Оп. 1. Д. 81.
22. ГАКО. Ф. И-95. Оп. 1. Д. 19.
23. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 176.
24. Садырова М.Ю., Маслова И.И. Православное духовенство в системе социальных представлений российского крестьянства в XIX – начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 569.
25. Камкин А.В. Православная церковь на Севере России : очерки истории до 1917 г. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1992. 164 с.
26. ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 6.
27. Помяловский Н.Г. Очерки бursы. М. : Гослитиздат, 1958. 174 с.
28. Сычугов С.И. Записки бурсака. М.–Л. : Academia, 1933. 353 с.
29. Успенский Н.В. Из прошлого. М. : Рус. кн. маг., 1889. 249 с.
30. Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 6-7.
31. Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 11-12.
32. Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 3.
33. Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 10.
34. Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 9.
35. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 143.
36. ГАКО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 24.
37. Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 10.
38. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 129.

39. ГАКО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 22.
40. ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 36.
41. ГАКО. Ф. И-196. Оп. 1. Д. 36.
42. ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 24.
43. ГАКО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 10.
44. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 154.
45. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 6. Д. 306.
46. ГАКО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 13.
47. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 101.
48. Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 8.
49. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1.

References

1. Andreeva, L.A. & Elbakyan, E.S. (2011) Otnoshenie k dukhovenstvu sosloviy i sotsial'nykh grupp Rossiyskoy imperii (nachalo XX v.) [Attitudes of estates and social groups of the Russian Empire towards the clergy (early 20th century)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10(330). pp. 69–80.
2. Bezgin, V.B. & Lisyunin, V. (2012) Tserkov', gosudarstvo, obshchestvo v epokhu modernizatsii: problemy razvitiya [Church, state, society in the era of modernization: problems of relationships]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 9(23). pp. 225–229.
3. Belous, P.V. (2018) *Tobol'skaya eparkhiya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918)* [The Tobolsk diocese during the First World War (1914–1918)]. Tyumen: Tyumen State University.
4. Zemtsov, L.I. (2008) Krest'yanstvo i prikhodskoe dukhovenstvo v nachale XX veka [The peasantry and parish clergy at the beginning of the twentieth century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya*. 1(41). pp. 73–79.
5. Karnishina, N.G. (2014) State-church relations in Russia in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 5(31). pp. 16–22. (In Russian).
6. Mineeva, T.V., Romanovskaya, V.B. & Savchenko, I.V. (2020) *Tserkovnoe sudoproizvodstvo v Rossiyskoy imperii* [Church proceedings in the Russian Empire]. Cheboksary: Sreda.
7. Mironov, B.N. (2015) Zhiznenny uroven' Rossiyskogo prikhodskogo pravoslavnogo dukhovenstva v imperskoy Rossii [The standard of living of the Russian parish Orthodox clergy in Imperial Russia]. *Nauchnye issledovaniya*. 1. pp. 65–80.
8. Smokotin, S.V. (2017) The Orthodox Church and the Peasantry in Tomsk Province in the 19th – Early 20th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 47. pp. 34–40. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/47/4
9. Terskova, A.A. (2015) Obshchestvennaya deyatelnost' prikhodskogo dukhovenstva vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh vv. (na primere Eniseyskoy eparkhii) [Social Activities of the Parish Clergy in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (a case study of the Yenisei Diocese)]. *Epokha nauki*. 4. pp. 610–614.
10. Ikonnikov, S.A. (2019) O nekotorykh aspektakh pravovogo polozheniya prikhodskogo dukhovenstva Pravoslavnoy Rossiyskoy tserkvi vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov (po materialam tsentral'no-chernozemnykh guberniy) [On some aspects of the legal status of the parish clergy of the Orthodox Russian Church in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Central Black Earth provinces)]. *Nauchnyy dialog*. 4. pp. 239–255.
11. Spichak, T.V. (2019) Fight Against Drunkenness of Clergy in the Affairs of Tobolsk Spiritual Consistory in the Second Half of the 18th and in the 19th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 133–138. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/18
12. Fot, A.G. (2015) Pravovoy status prikhodskogo pravoslavnogo dukhovenstva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Legal status of parish Orthodox clergy in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2(14). pp. 92–103.
13. Ershov, B.A. (2012) Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie deyatelnosti russkoy pravoslavnoy tserkvi v guberniyakh tsentral'nogo Chernozem'ya XIX – nachale XX veka [State and legal regulation of activities Russian Orthodox Church in the provinces of the central Black Earth Region in the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4-2(18). pp. 75–78.
14. Lysenko, Yu.A. & Syue-Skurikhina, N.V. (2015) Nravstvennyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva na primere Omskoy eparkhii v kontse XIX – nachale XX v. [Moral character of the Orthodox clergy on the example of the Omsk diocese in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4/2(88). pp. 112–115.
15. Skutnev, A.V. (2007) Prikhodskoe dukhovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanonicheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Parish clergy: mentality features and non-canonical behavior (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2(16). pp. 63–78.
16. Russia. (1883) *Ustav dukhovnykh konsistoriy: utv. 9 apr. 1883 g.* [The Charter of the Spiritual Consistories: approved April 9, 1883]. St. Petersburg: Sinod. tip.
17. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List 1. File 104.
18. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List 1. File 197.
19. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-101. List 1. File 1.
20. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-94. List 1. File 4.
21. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-32. List 1. File 81.
22. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-95. List 1. File 19.
23. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List 1. File 176.
24. Sadyrova, M.Yu. & Maslova, I.I. (2014) Pravoslavnoe dukhovenstvo v sisteme sotsial'nykh predstavleniy Rossiyskogo krest'yanstva v XIX – nachale XX v. (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Orthodox clergy in the system of social representations of the Russian peasantry in the 19th – early 20th centuries (based on the materials of the Middle Volga region)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2. p. 569.
25. Kamkin, A.V. (1992) *Pravoslavnyaya tserkov' na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 g.* [Orthodox Church in the North of Russia: essays on history before 1917]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute.
26. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund 67. List 1. File 6.
27. Pomyalovskiy, N.G. (1958) *Ocherki bursy* [Essays on the Seminary]. Moscow: Goslitizdat.
28. Sychugov, S.I. (1933) *Zapiski bursaka* [Notes of a seminarist]. Moscow; Leningrad: Academia.
29. Uspenskiy, N.V. (1889) *Iz proshlogo* [From the past]. Moscow: Rus. kn. mag.
30. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1891) 6–7.
31. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1882) 11–12.
32. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) 3.

33. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1906a) 10.
34. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1906b) 9.
35. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List 1. File 143.
36. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-26. List 1. File 24.
37. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1916) 10.
38. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). F-235. List 1. File 129.
39. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-101. List1. File 22.
40. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-34. List1. File 36.
41. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-196. List1. File 36.
42. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-33. List1. File 24.
43. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-115. List1. File 10.
44. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List1. File 154.
45. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List6. File 306.
46. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-117. List1. File 13.
47. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund-235. List 1. File 101.
48. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1910) 8.
49. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. *Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of Russia during the Empire Period (18th – Early 20th Century). Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society, and the Rule of Law]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Сведения об авторах:

Федоров Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Курганского государственного университета (Курган, Россия). E-mail: serg-georg@mail.ru

Неупокоев Игорь Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Курган, Россия). E-mail: neupokoev_i_v@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Fedorov Sergey G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Documentation of Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: serg-georg@mail.ru

Neupokoev Igor V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Kurgan Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Kurgan, Russian Federation). E-mail: neupokoev_i_v@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 20.04.2021; accepted for publication 15.01.2025